

ГЛАВА 1

РЕБЕНОК НА НАБЕРЕЖНОЙ

Сверкая армадами звезд, Галактика плыла в океане Вселенной среди несметных мерцающих островов, каждый из которых сам был галактикой с необозримыми сонмами пылающих, тлеющих и потухших светил. Безмолвно взрывались и гасли золотые, рубиновые, алмазные звезды, кружились огненные и ледяные планеты, и волны испепеляющего света разносили память о них все дальше и дальше, к невидимым берегам.

В одно из мгновений нескончаемого путешествия Галактики, точнее, во вторник шестого июля в шесть часов пять минут вечера, ослепительный луч одной из ее двухсот миллиардов звезд встретил на своем пути препятствие в виде позолоченного трехметрового ангела и, не в силах его обогнуть, рассыпался искрами в потоке широкой реки, чтобы, отразившись от ее стальных волн, навсегда пропасть в голубом глазу наклонившейся над водой девушки.

Девушка икнула и плюнула в воду. Она была пьяна.

Весь день сегодня Гуле хотелось выпить, как обычно в последние семь лет, начиная с того самого утра, когда она вместо школы отправилась с матерью в больницу, отнести костюм отцу для его последнего путешествия. Лысый дядька в грязном банном халате взял у матери деньги и сказал: добавить надо, несвежий ваш. При прощании отец лежал и незнакомо улыбался, и еще трое покойников в соседних гробах лежали и улыбались такой же искусно нарисованной, спокойной улыбкой. Добрые тетушки налили Гуле стаканчик зелья, и ломота в груди стала меньше, и стало легче дышать.

С утра она обыскала квартиру, но ни копейки денег, ни капли спиртного не нашла. Мать все спрятала или унесла куда-то. Гуля не понимала, почему та все время сердится, почему без конца придирается. Ведь она не какая-нибудь пьяница, нет, она выпивает по настроению. Захочет и пить не будет. Вот когда была беременная Тёмкой, так и не пила совсем. Особенно последние месяцы в рот не брала, кроме разве пива, и то изредка. А мать зудит как заведенная, только и знает свое: «Ты меня доконаешь, ты меня доконаешь, ты дура, ты дура»... А что, всем умными быть? Да, Гуля училась в школе плохо, зато готовить умеет получше многих. Всем парням нравятся ее борщи и жареная картошка. И сама она ничего. Не красавица, да, полновата, но волосы густые, темные, с медным отливом, а глаза голубые. Она давно бы вышла замуж, если б не Тёмка.

Все утро и весь день шел дождь, форточки хлопали, в комнатах стоял полусумрак, как будто не

лето, а осень на дворе. Тёмка хулиганил, бросал игрушки, хныкал, ползал за Гулей. Пришлось шлепнуть его пару раз, а потом закрыть в спальне. Гуля включила музыку, чтобы не слышать его воплей, и начала доставать из шкафа летнюю одежду и рассматривать — что починить, что погладить. Одежды было немного. У других девочек по несколько джинсов, топики меняют каждый день. У Ксюхи, продавщицы, опять новые босоножки. Желтые, на толстенной платформе. А Гуле уже месяц не отдает за ту шикарную куколку-ключик, говорит, покупателя на нее нет... Обманет снова... Найти бы деньги или в лотерею выиграть, Гуля бы сразу накупила себе брюк в обlipку, и разных топиков, и туфли на платформе. А вот выиграть бы миллион... десять миллионов... Переехать от матери в свою квартиру. Завести бар, накупить всяких напитков, белого вина, коньяка... Не надо будет выпрашивать деньги у матери. В последнее время она вообще перестала их давать, приходилось потихоньку таскать у нее из карманов.

Небо за окном посветлело, и Гуля решила прогуляться. Тёмка сразу перестал пищать, как только она усадила его в коляску и завязала зеленую шапочку под толстыми щечками. Рыжие вихры торчали из-под шапки. Надо бы его подстричь, ишь, ноготок на грядке. На улице было прохладно и ветрено. Громада облаков висела низко, закрывая все небо, клубясь пепельными, дымными горами и башнями, будто прилетевшая из космоса и зависшая над землей чужая планета. Люди спешили куда-то, тащили сумки, громко говорили по телефонам. Гуля

покатила коляску по лужам, свернула в Демидов переулок, и скоро они оказались на площади. Машины, троллейбусы, мотоциклы неслись со всех сторон, звенели, гудели, грохотали. Вот была бы у нее машина... сразу бы от парней отбоя не стало... она бы тоже открывала окна и включала музыку на полную мощь! Лучше всего — длинная, называется лимузин. Можно лежать и пить коктейли... где бы взять хоть на стаканчик пива... найти бы на дороге деньги... хоть одну бумажку, полташку... или лучше стошку... а иногда туристы оставляют недопитые банки и даже, бывает, бутылки... как так люди живут — пиво оставляют...

Тёмка скулил в коляске, но Гуля не слышала. Она шла и шла вперед, не замечая ни серой летящей глыбы Собора, ни рвущегося в реку Всадника, вокруг которого стояли туристы. Она высматривала, нет ли у кого в руках бутылки с пивом. Народ, однако, толпился скучный, внимательно слушал какую-то лабуду, всю жизнь текущую мимо Гулиных ушей. Вот и зеленый, костлявый от белых колонн Дворец остался позади. Машин стало меньше, и людей на набережной больше не было, не считая старухи с собачкой, вынырнувшей откуда-то снизу, с лестницы от воды. Старуха ковыляла, сгорбившись и почти до земли опустив голову, собачка была гладкая, длинная, похожая на крысу, и Гуля мельком подумала, что это и есть крыса на поводке, но тут собачка визгливо залаяла и стала рваться вверх, подпрыгивать и вдруг взлетела, быстро перебирая лапками, будто плыла по воздуху. Гуля не удивилась, она вообще ничему не удивлялась, давно перестав ожидать от мира чего-

то интересного. Ишь, крыса летучая, равнодушно отметила она, проходя мимо. Старушка подняла голову, блеснули темным огнем глаза, сверкнули белые зубы между губ, растянутых в нарисованной мертвой улыбке. Сжало в груди от забытого детского страха. Гуля прибавила шагу, а когда оглянулась, старуху с собакой было уже не видно. В последнее время ей часто чудилось разное, мать говорит, конечно, это от водки. А где ее взять, водку-то? Только когда друзья угостят...

Она поставила коляску у парапета и, облокотившись на него, посмотрела на Неву. Тяжелые волны перекатывались по всей ее поверхности, свинцовые, холодные, река была похожа на беспокойное северное море. На другой стороне длинной баржей темнела Петропавловка, над ее одинокой мачтой кружились две птицы. Тёмка снова расплакался, и Гуля наконец наклонилась над ним: ну, чего тебе, Тёмчик, иди сюда, мама возьмет на ручки... И тут блеснуло у колесика... Оглянулась, схватила — черные иностранные буквы на морковной этикетке, не поймешь, но ясно, что-то шикарное, пробки нет, а темно-янтарной, прозрачной жидкости еще почти полбутылки... Да подожди, надоеда, хватит орать, — бросила Тёмке, и первый глоток пахучего сладковатого зелья опалил горло — ух ты, такого она никогда не пила, кто ж такое бросает, сейчас, небось, вернутся, растеряхи... Скорее вниз, к воде, чтоб не нашли, догадалась она. Достала Тёмку из коляски, и он сразу замолк. Держа одной рукой ребенка, а другой — найденное сокровище, она начала спускаться по ступенькам.

Луч солнца пробился из-за туч, и вспыхнул золотом ангел на мачте каменного корабля, и две большие птицы, описав над ангелом прощальный круг, полетели над рекой к гранитному причалу, на котором, свесив ноги над водой, сидели темноволосяя девушка и маленький мальчик в зеленой вязаной шапке.

ГЛАВА 2 БАЛКОН МАЛИНОВОЙ ГОСТИНОЙ

Старинные английские часы нежно прозвонили-просвистели шесть раз. Началось очередное собрание совета Дома ученых на Дворцовой набережной. Собрание проходило на верхнем этаже, в бывшей спальне Александра Владимировича, старшего сына великого князя Владимира Александровича, тихо скончавшегося в ней, будучи от роду полутора лет. Как и в детских комнатах великих князей Кирилла, Бориса и Андрея, тут ничего не сохранилось. Стояли простые канцелярские столы и стулья, лепнина на потолке замазана толстым слоем штукатурки. Несмотря на то что бóльшая часть членов совета опаздывали, председатель объявил заседание открытым — всем хотелось побыстрее уйти домой. Завхоз Антонина Петровна окинула взглядом стол, домашние чашки, электрический чайник, стеклянную вазу с печеньем и вышла, плотно притворив дверь. Вроде ничего не забыла. Память начала подводить, нужно все записывать и много раз проверять себя. Давние события она помнила прекрасно, а что было вчера или даже сегодня

утром — могло начисто исчезнуть из головы. Может, потому что все хорошее осталось в прошлом... По крутой лестнице Антонина Петровна спустилась на второй этаж, останавливаясь через каждые несколько ступеней и качая головой, привычно размышляя о том, как великая княгиня Мария Павловна со своими пышными юбками и в узких твердых туфельках могла ходить по этой лестнице и не падать. А уж в парадном платье, с длинной накидкой из баргузинских соболей, или в парчовом, с кружевным хвостом... Да, это была дама. Не то что нынешние подштанницы, бесстыдно выпячивают голые животы, хочешь не хочешь, смотри на них. Антонина Петровна терпеть не могла молодых девиц. Сама она в юности одевалась скромно. Хоть и в ватнике, и в сапогах, да в юбке. А теперь все стыд потеряли, тела свои повыставляют, пиво прямо из банок на улице пьют...

Продолжая отдуваться, Антонина Петровна вошла в малиновую гостиную, самую красивую комнату дворца. Стены, диваны и кресла в ней были обиты алым штофом и бархатом. Даже в солнечную погоду здесь стоял розовый полумрак, и в темном зеркале над камином лицо Антонины Петровны казалось молодым и чем-то похожим на прекрасное лицо Марии Павловны с портрета, висевшего рядом. Волосы Антонины Петровны все еще темные, почти без седины, вились мелкими локонами, нос красивый, хотя немного длинноват, как и у княгини, лицо в морщинах, но с розовым румянцем... Она проследовала к окну, чтобы задернуть шторы. Из окон открывался вид на реку и Крепость, по набережной неслись машины, и в

который раз Антонина Петровна подумала, вот бы хорошо, если бы все эти машины провалились в реку, и она унесла бы их навсегда прочь, и, как сто лет назад, стало бы спокойно и тихо, и только четко и торжественно цокали бы копыта по гранитной мостовой...

Проходя мимо двери на балкон, Антонина Петровна нажала на всякий случай на медную ручку, хотя знала, что дверь эта всегда закрыта на два ключа, и последний раз открывали ее месяц тому назад, по случаю фуршета, устроенного известным театральным деятелем в честь молодой супруги. Ручка скрипнула, и дверь отворилась.

«Выгнать негодяя», — вслух сказала Антонина Петровна, имея в виду Володьку-охранника, и вышла на балкон. Кроме двух бронзовых грифонов с собачьими головами, там никого не было. Грифоны грозно взирали на набережную, лучи вечернего солнца зажгли их глазницы темным огнем.

Через дорогу у причала стояла коляска, и девица в модных узких подштанниках пила прямо из бутылки, вид которой не оставлял сомнений в том, что это не лимонад. Потом девица достала из коляски ребенка и, сильно покачиваясь, стала спускаться к воде. Антонина Петровна повернулась, помедлила, глядя на замок, и поспешила вниз. На лестнице опять пришлось крепко держаться за перила, чтобы не поскользнуться на полированных временем мраморных ступенях. Лестница была длинной, в несколько пролетов, с огромными потемневшими зеркалами на стенах. Эти зеркала никогда не нравились Антонине Петровне, их было слишком много, да еще и друг напротив друга, и

в полумраке казалось, что в зеркалах отражается кто-то неизвестный, дробясь в убегающих во тьму бесконечных туннелях. В прихожей, за дубовым прилавком, Володька-охранник развалился перед телевизором, громко отхлебывая из стакана. Антонина Петровна уничтожающе посмотрела на него, но Володька этого не заметил. Она набросила плащ, взяла на всякий случай зонтик и вышла на набережную. Вправо до перехода нужно было пройти всего несколько шагов, но уже на середине дороги Антонина Петровна поняла, что опоздала. Прохожие останавливались, перегибались через парапет, какая-то женщина истерически закричала. Антонина Петровна достала мобильный телефон и двумя уверенными нажатиями набрала номер.

— Могли бы и быстрее ответить, — выговорила она заквакавшей трубке, — выезжайте. Дворцовая набережная, двадцать шесть. Пьяница утопила ребенка. Да. Конечно. Я видела все своими глазами.

ГЛАВА 3

ДОПРОС В ГНЕЗДЕ

Павел Лугин с некоторой осторожностью вошел в женское отделение Дома призрения душевнобольных на Огородном шоссе. Дом этот был открыт по милости цесаревича Александра, человека глубоко верующего, отца последнего монарха Российской империи Николая Второго и брата великого князя Владимира Александровича, о чем капитан ничего и никогда не слышал. Дом называли теперь Гнездом, в память о некоем яром атеисте, герое революции Гнездовском, ненавидевшем всех царей вместе взятых и к данной больнице имевшем отношение только потому, что сам там лечился какое-то время, о чем капитан, впрочем, тоже ничего не знал. Но он уже бывал в этом отделении и помнил, чем кидается и как кусается контингент, весьма мало напоминающий страждущих душою фрейлин и дворянских дочерей, для которых когда-то этот дом был основан. Женщины, находившиеся здесь теперь, были не просто больными. Каждая из них совершила преступление, и выздоровление означало немедленный перевод в тюрьму —